

A movie poster for the film 'The Duke'. It features Brad Pitt and Lily Collins in period costumes. Brad Pitt is on the left, wearing a grey vest and white shirt, standing with his arms crossed. Lily Collins is on the right, wearing a red velvet dress, holding a stack of papers. A ginger cat is sitting on a wooden chest in the background. The setting is a grand, dimly lit room with heavy curtains and a tufted armchair.

АЛЕКСАНДРА
ШЕРВИНСКАЯ

**Я К ВАМ ПО ДЕЛУ,
ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО!**

Александра Шервинская

Я к вам по делу, ваше величество!

<https://litres.ru/70313395>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что может быть хуже глупого короля? Только король-экспериментатор! Тот, который постоянно генерирует совершенно безумные идеи и заставляет дворцовых обитателей их реализовывать. Вот и теперь наше беспокойное величество решило, что ему во дворце позарез нужна газета, а то оно не все сплетни и слухи успевают узнать.

Возглавить это уникальное издание поручили мне, Монике Мэнсфилд, внучке любимой фрейлины королевы-матери и по совместительству выпускнице факультета изящной словесности Королевского Благородного пансиона.

Что же - тогда не жалуйтесь, если в процессе подготовки я по просьбе короля впутаюсь в расследование похищения, обзаведусь странными сотрудниками и ещё более странными защитниками и сумею предотвратить кражу бесценного артефакта.

Как говорится, "кто не спрятался - я не виновата"!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	29
Глава 4	48
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Александра Шервинская

Я к вам по делу, ваше величество!

Глава 1

Последняя нота финальной арии замерла где-то под толком, чтобы осыпаться оттуда шквалом аплодисментов. Они росли, поднимались, подобно тому, как набирает силу морская волна, прежде чем разбиться о береговые скалы. Стоящая на сцене молодая женщина купалась в них, наслаждалась ими, умирала и возрождалась.

Она была невероятно талантлива, и столичная публика буквально носила новую знаменитость на руках. Поклонники засыпали её цветами и подарками. Приглашения на рауты, маскарады и просто вечеринки поступали десятками так же, как и предложения разной степени пристойности. Она находилась в центре внимания и, казалось, была по-настоящему счастлива.

Занавес дрогнул и медленно стал закрываться, пряча от взглядов певицу, которая, как только тёмно-красное полотнище заслонило от неё зал, устало опустила руки и почти рухнула в предусмотрительно подставленное кресло.

– Это предпоследнее выступление, – мягкий голос нарушил тишину, окутавшую сцену, – теперь через два дня закрытие сезона, и ты наконец-то сможешь отдохнуть.

За спинкой кресла, в котором сгорбилась недавно сияющая от счастья и успеха молодая женщина, появилась высокая широкоплечая фигура, но в полумраке невозможно было определить возраст подошедшего.

– Я так устала, Феликс, если бы ты только знал! – она тяжело вздохнула и негромко застонала от удовольствия, когда ладони мужчины легли ей на плечи и стали умело разминать уставшие мышцы.

– Я знаю, моя дорогая, я всё знаю, – его руки сильно, но мягко массировали плечи, шею, нажимали на определённые точки, чтобы снять напряжение, дать крови возможность бежать ровно и спокойно. – Но ты не принадлежишь себе, Клео, ты – сокровище, которое желает заполучить каждый театр. Твой дар призван нести слушателям наслаждение, которое больше никто им не подарит. Ты ведь понимаешь это, верно?

– Да, – не открывая глаз, прошептала женщина.

Ладони мужчины скользнули чуть ниже, тонкие сильные пальцы знали, как и куда нажать, чтобы закаменевшие от напряжения мышцы расслабились. Некоторое время на теперь уже скрытой от посторонних глаз сцене царила тишина, нарушаемая только негромкими женскими стонами: если послушать из-за угла, то можно было бы подумать, что здесь

уединились страстные любовники.

Впрочем, мужчина мог бы им стать, если бы только намекнул о своём желании: Клео давно и безнадёжно была влюблена в своего импресарио. Но он либо не замечал этого, либо его сердце было отдано другой женщине – этого певица, благосклонности которой, говорят, добивался сам канцлер, не знала.

Когда-то, пять лет назад, Феликс подобрал её в третьесортном портовом кабаке, насквозь пропахшем дешёвым пивом, потными телами и прелой соломой, которой был усыпан грязный пол. Девушка, которую тогда звали просто Мэри, трудилась там подавальщицей и честно зарабатывала свою копеечку, хотя и комплекцией, и характером значительно уступала двум другим девицам. Но чаевые Мэри получала не за расторопность и не за «дополнительные услуги», от выполнения которых никогда не отказывались ни Салли, ни Колетта. Худенькая подавальщица иногда, когда позволял хозяин, выходила на середину заплёванного зала и пела незамысловатые полуприличные песенки или слезливые баллады.

Посетители слушали, порой пытались подпевать и швыряли под ноги девушки мелкие медные монетки. Мэри благодарила, с помощью мальчишки-конюха подбирала их, прекрасно понимая, что две-три медяшки наверняка прилипали к его ладошкам. Но девушке было совершенно не жаль этих денег, так как пела она не только, точнее, не столько ради

них, сколько потому, что не петь не могла. Казалось, что голос живёт самостоятельной жизнью, растёт, ему становится тесно, он рвётся на свободу, выплёскивается через край.

Если не получалось выступить в кабаке, Мэри шла на пирс и там, раскинув руки, пела морю, которое хоть и не кидало монеток, но слушателем было более благодарным, чем пьяные грузчики и уставшие от тоскливых береговых будней матросы. Оно подхватывало её голос и несло вдаль от берега, перебрасывало с волны на волну, старалось закинуть на низко плывущие облака.

Именно там и услышал её впервые мэтр Феликс Берелли, известный в столице и за её пределами «ловец талантов». Что привело его тем ненастным вечером в не слишком благополучную портовую часть города, так и осталось для Мэри тайной: сам он не рассказывал, а она сначала не решалась задавать подобные вопросы, а потом это стало уже совершенно неважным.

Услышав летящий над морской гладью голос, мэтр Берелли сначала не поверил своим ушам, настолько неуместным казалось это восхитительное чистейшее сопрано среди гнилых водорослей и мокрых старых досок. Но голос звучал, становясь то тише, то громче, в зависимости от того, куда шёл Феликс, а он пытался найти источник этих волшебных звуков и до дрожи в руках боялся, что неизвестная певица замолчит, и он никогда не сможет её найти в этих трущобах.

Но судьба смиростивилась над ним, и, завернув за очеред-

ной лодочный сарай, он увидел на пирсе худенькую фигурку. Широко раскинув руки, девушка пела старую балладу, в которой рыцарь вернулся из похода и узнал, что невеста стала женой его брата. Не слишком обращая внимание на не очень складные слова, Феликс вслушивался в голос и понимал: это настоящее сокровище.

Он осторожно подошёл к пирсу и дождался, пока незнакомка повернётся к нему. Девушка вздрогнула от неожиданности, увидев на пустынном берегу высокую мужскую фигуру, и Феликс выставил вперёд руки в извечном мирном жесте. Певица неуверенно приблизилась, и мэтр смог разглядеть, что перед ним совсем юная девушка, невысокая, с милым, но простеньким худеньким личиком, одетая в сильно заношенное платье и обутая в старые стоптанные башмаки.

Через четверть часа, которые ему потребовались, чтобы преодолеть недоверие девушки по имени Мэри, он понял, что Богиня послала ему награду за мужество, с которым он перенёс все выпавшие на его долю испытания.

Переговоры с трактирщиком, который неофициально считался кем-то вроде опекуна Мэри, так как именно он когда-то подобрал никому не нужную сироту, вырастил её и дал возможность заработать копеечку, заняли меньше пяти минут. Увидев в руке благородного господина полновесную серебряную монету, владелец заведения со странным названием «Рыба у моря» даже не стал интересоваться, зачем тому невзрачная подавальщица. Велев Мэри собираться, он охот-

но ответил на вопросы, которые задал ему Феликс .

Нет, никто не знает, откуда девчонка взялась: она просто однажды пришла по берегу, а откуда – ни она сама, ни кто-либо другой знать не знают и помнить не помнят. Почему подобрал? Да жалко стало, у него самого дочка её годов, да и рабочие руки лишними в трактире никогда не бывают. Родителей искать? А где ж уважаемый господин предлагает это делать? Ради такого пустяка за сотни миль в столицу ехать? Шутить изволите!

Мэри собралась быстро, так как вещей у неё практически не было: в старом рассохшемся сундуке сиротливо лежали несколько простых платьев из относительно тонкого домотканого сукна да пара грубых башмаков. Из собственных, оставшихся из прошлого, вещей у девушки был только странный медальон, который был у неё, сколько она себя помнила. Небольшой овальный камень непонятного цвета, не то серый, не то синий, не то вообще бесцветный, заключённый в скромную оправу из светлого металла. Интересы для воров и скупщиков медальон не представлял, так как оправка была не серебряной, а камень – не драгоценным. А кому нужна обыкновенная, хоть и миленькая безделушка? Потому медальон и остался у Мэри, которая привыкла к нему и никогда не снимала.

Увидев девушку, спускавшуюся по скрипучей лестнице с чердака, где располагалась её каморка, Феликс попрощался с трактирщиком, подхватил практически ничего не весящий

узелок с вещами Мэри, и они навсегда покинули приморский городок.

Потом был долгий путь в столицу: сначала на корабле, где пришлось ютиться в тесной каюте, показавшейся привыкшей к более чем скромным условиям Мэри просторной и очень уютной. К счастью, от морской болезни ни девушка, ни сопровождавший её маэстро не страдали, и Мэри с огромным удовольствием пела для экипажа шхуны те немудрёные песенки и баллады, которые знала. Затем, тепло попрощавшись с капитаном и матросами, они пересели в дилижанс, подобных которому девушка никогда не видела: лакированные деревянные детали, бархатные сидения, к которым даже прикасаться лишний раз было боязно – до того они были хороши!

В столице Феликс поселил Мэри в небольшом уютном пансионе, владельца которого давно знал с самой лучшей стороны. Дядюшка Фред, как звали его все знакомые, был человеком добродушным, но достаточно консервативным и потому строгим. Маэстро объяснил, что привёз в столицу будущую звезду сцены, но поселить её у себя не может по понятным причинам – негоже молодой девушке жить в доме у холостого мужчины, не являющегося её родственником. Дядюшка Фред подобную предусмотрительность похвалил и пообещал присмотреть за новой постоялицей.

От выделенной ей комнаты девушка пришла в абсолютный восторг: ей понравилось всё. Она неверяще оглядела

оклеенные дешёвенькой, но чистой и светлой тканью стены, покрытую лаком простенькую мебель, яркое покрывало на удобной даже на вид кровати, большое зеркало над симпатичным комодом.

– Это всё мне? Я правда буду здесь жить? – Мэри прижала к груди руки и глубоко вздохнула. – Какая красота! Спасибо вам огромное, господин Феликс!

– Скоро тебе станет доступной роскошь, о которой сейчас ты не можешь даже мечтать, – уверенно сказал маэстро Берелли, ни секунды не сомневаясь в собственных словах, – ты станешь настоящей звездой, моя девочка. У тебя есть главное – невероятный талант, а всё остальное сделаю я.

С тех пор прошло пять лет, наполненных кропотливой ежедневной работой, выступлениями, переездами. Мэри давно уже привыкла откликаться на более благозвучное имя Клео, научилась принимать свою облагороженную цирюльниками и мастерицами красоты внешность, перестала в страхе прятаться за Феликса при знакомстве с сильными мира сего.

Её гонорары за выступления ещё в первые месяцы покрыли всё, что потратил на свою воспитанницу маэстро Берелли, и теперь она вполне могла считать себя более чем состоятельной молодой женщиной.

Самым удивительным было то, что сплетни и слухи, беспощадные к представителям столичной богемы, почти не затрагивали молодую певицу. За всё то время, что она высту-

пала на подмостках столичный театров, ни одна газета, ни один репортёришка не смогли найти ничего, что дало бы повод для пересудов или обсуждений.

Никто ничего не знал о её происхождении, но даже самые смелые фантазии разбивались о спокойную доброжелательность молодой женщины. Маэстро Феликс мог только восхищаться невозмутимостью своей воспитанницы, её удивительной невосприимчивостью к неизбежной для любой публичной персоны лести.

Все комплименты Клео выслушивала спокойно, с лёгкой приветливой улыбкой, благодарила за цветы и сладости, но никогда не принимала дорогостоящих подарков. Феликс сбился со счёта, сколько футляров с драгоценностями вернулось к их отправителям. Клео даже не открывала подарки, лишь улыбалась и писала очередное письмо с благодарностью и отказом. Позиция подопечной не могла не вызывать у маэстро уважения, и он постепенно начал относиться к юной певице как к дочери, которой у него никогда не было: всю свою жизнь Феликс Берелли посвятил музыке. О чувствах, которые испытывает к нему Клео, он даже не догадывался, а если бы ему кто-нибудь сказал о них, то маэстро весело посмеялся бы над удачной шуткой.

Сегодняшнее выступление далось девушке нелегко, Феликс чувствовал это, но прервать череду триумфальных концертов он не мог. Тем более что остался всего один, зато какой!

– Говорят, на закрытие сезона придет сам король? – не открывая глаз, проговорила певица.

– Я тоже слышал об этом, и это совершенно естественно, раз выступление будет во дворце, – маэстро убрал руки с плеч своей подопечной и отошёл в сторону, давая ей прийти в себя, – всем известно, что его величество не очень любит музыку, но в этот раз он решил составить компанию королеве-матери и её фрейлинам.

– Почему? – голос Клео звучал на удивление безжизненно, тускло, и Феликс огорчённо покачал головой. Этот настрой нужно было срочно менять, так как к финальному в этом сезоне выступлению девушка должна быть в полном порядке и сиять, словно бриллиант. Но он привык быть откровенным и честным с ней, и поэтому, помолчав, проговорил:

– Не знаю... И у меня дурные предчувствия...

– Предчувствия? – она печально взглянула на своего единственного друга, и тот увидел в прозрачных светлых глазах подопечной какую-то раньше не заметную обречённость.

– Что с тобой, Мэри? – он впервые за пять лет назвал её прежним, давно забытым ими обоими именем, что как нельзя лучше говорило о том, насколько маэстро взволнован и обеспокоен.

– Не знаю, – певица зябко передёрнула плечами, – в последнее время мне всё время холодно, словно я опять стою на пирсе, продуваемом всеми ветрами. Разве что солёные брызги не долетают. Мне кажется, что за мной кто-то следит,

Феликс. Я постоянно чувствую чей-то взгляд, и этот человек, который наблюдает за мной, он меня... ненавидит.

– Брось! – постаравшись придать голосу уверенность, которой совсем не чувствовал, воскликнул маэстро Берелли. – Публика тебя обожает, поклонники готовы носить на руках, я не успеваю отвечать на приглашения! Откуда такой пессимизм?

– Я не знаю, – всё так же безразлично ответила девушка, – просто неудобно. Наверное, сказывается усталость. Отдохну и всё пройдёт... Прости, что заставляю тебя волноваться.

Клео коснулась пальцами медальона, привычно ощутила прохладу камня, погладила его, как живое существо, и через силу улыбнулась встревоженному импресарио.

– Конечно, – он старательно улыбнулся в ответ, – после последнего концерта мы с тобой сразу же уезжаем отдыхать: только солнце, только прогулки, только свежий воздух!

И ни сам Феликс Берелли, ни великолепная Клео не знали в тот момент, что уже через два дня королева-мать, после блестящего выступления удостоившая певицу личной аудиенции, вдруг побледнеет как мел и медленно осядет в кресло в глубоком обмороке. Встревоженный король вызовет лекаря, который, в свою очередь, попросит всех присутствующих покинуть зал.

Певица выйдет из приёмной вместе со всеми, но в свои гостевые комнаты так и не придёт, словно растворившись в дворцовых коридорах. Её импресарио найдут в одной ком-

нат, связанного, со следами сильного удара по затылку. Куда исчезла великолепная Клео? Кто мог отважиться на такое дерзкое преступление буквально на глазах у их величеств? Почему дворцовая стража ничего не видела и не слышала? Столько вопросов и ни одного ответа....

Глава 2

– Эй, посторонись, шляпа!

– До королевской библиотеки за десять медяшек?! Смеётся, господин? Не меньше тридцати!

– Вечерняя газета! Свежая вечерняя газета!

– Недорогие комнаты, идеальная чистота и полный пансион! Всего за серебряный в неделю!

Выбравшись из явно знавшего лучшие времена дилижанса, который за два дня путешествия по сельским дорогам пропылился, казалось, насквозь, я глубоко вдохнула столичный воздух. Как же я по нему скучала, если бы кто-нибудь знал! И совершенно не важно, что от мостовых пахнет гораздо хуже, чем от лужаек, окружавших закрытый пансион, в котором я провела последние несколько лет. Этот запах большого города не спутаешь ни с чем, и я не готова променять его ни на какие сельские красоты.

Сняв с багажной полки небольшой саквояж, я медленно, внимательно поглядывая по сторонам, пошла в сторону центра. На меня никто не смотрел, так как я совершенно не привлекала внимания: самая обычная горожанка, каких сотни ходят по улицам. Скромное, но приличное платье неброского кофейного цвета с аккуратным белым воротничком, маленькая шляпка без украшений, добротные, но простенькие ботиночки на минимальном каблучке. Когда-то дорогой, а

сейчас изрядно потёртый саквояж недвусмысленно намекал на то, что я – очередная небогатая провинциальная дворяночка, приехавшая в столицу устраивать свою судьбу.

Это было не совсем так, точнее, совсем не так, но проходим, скользящим по мне равнодушными взглядами, совершенно ни к чему знать, что по степени древности и знатности рода я могла бы дать фору многим приближённым к трону влиятельным придворным. И что моё достаточно скромное положение – результат не жизненных неурядиц, а исключительно моего собственного упрямства.

Именно оно заставило меня четыре года назад поссориться с родственниками, подготовившими для меня должность младшей фрейлины королевы-матери. Между прочим, для большинства моих приятельниц – подругами я как-то не обзавелась – это назначение было пределом мечтаний. Я же категорически воспротивилась и заявила, что всего добьюсь сама, без поддержки влиятельных родителей и особенно бабушки, леди Синтии Мэнсфилд, любимой фрейлины и наперсницы нашей королевы. И пусть её величество Жозефина уже несколько лет назад передала власть в руки сына, короля Александра, но она по-прежнему была в курсе всех мало-мальски важных событий и оказывала огромное влияние на внешнюю и внутреннюю политику.

Единственным, на что я согласилась, было рекомендательное письмо к директору Королевского Благородного пансиона с просьбой принять меня на учёбу и определить

мне стипендию на первый год, а там уж – по результатам. Если директор и удивился тому, что наследница Мэнсфилдов собирается жить на более чем скромную сумму, то вида не подал и просьбу отца выполнил. То, что пансион был расположен далеко от столицы, меня вполне устраивало: это существенно снижало риск внезапных родственных визитов.

Как ни странно, единственным членом семьи, кто меня поддержал, была бабушка, которая, выслушав мою пылкую речь, лишь пожала плечами и пожелала мне всяческих успехов. Правда, в конце добавила, что если я решу вернуться, то должность она мне всегда организует.

С тех пор прошло четыре года, и вот теперь в моём саквояже лежал диплом об окончании факультета изящной словесности Королевского Благородного пансиона и аттестационная ведомость почти с одними пятёрками.

Я никому не сообщила о своём приезде, потому что рассчитывала и дальше обходиться собственными силами: снять квартиру, найти работу и вообще как-то освоиться в окружающем мире.

Прекрасно понимая, что в первую очередь нужно найти жильё, я купила газету у пробежавшего мимо мальчишки и, разжившись у уличной торговки двумя большими пирогами с яблоками, уселась на скамейке в тени раскидистого каштана.

Объявлений о сдаче квартир и комнат было много, но мне с моими скромными финансовыми возможностями осо-

бо привередничать не приходилось. Не то чтобы денег было совсем мало, нет, они, конечно, были – мне неплохо удалось подзаработать репетиторством – но за последние четыре года я стала яркой сторонницей политики разумной экономии. Поэтому, прикинув свои возможности, решила, что могу потратить на жильё не больше двух серебряных в месяц. Вдруг я ещё не скоро найду работу и обзаведусь надёжным источником дохода? Идти к родителям на поклон? Ну уж нет!

Вооружившись извлечённым из всё того же саквояжа карандашом, я решительно перечеркнула все объявления, где фигурировали не нравящиеся мне цифры. Потом посмотрела на оставшиеся три и тяжело вздохнула. Но привычка доводить любое дело до конца победила, и я, поудобнее перехватив саквояж, который с каждым шагом, казалось, становился тяжелее, пошла по указанным адресам. А вдруг по какому-нибудь из них мне действительно повезёт?

Первый дом мне сначала понравился: аккуратные балкончики, увитые буйно цветущей ипомеей и душистым горошком, резные наличники, флюгер в виде единорога. Я вежливо постучалась в выкрашенную светлой краской дверь, и мне тут же открыл немолодой мужчина, любезно пропустивший меня в небольшой уютный холл. Он, сладко улыбаясь, сообщил мне, что у него как раз осталась последняя свободная комната, и я хоть сейчас могу её посмотреть. Но при этом его глаза масляно блестели, а руки так и норовили приобнять меня за плечико или талию. Вздвогнув от отвращения, когда

его влажные пальцы дотронулись до моей ладони, я поблагодарила, сказала, что хочу посмотреть ещё пару квартир, и сбежала. Нет уж, не надо мне такого счастья!

Второй дом был не менее привлекательным внешне, но хозяйка, узнав, что я собираюсь жить одна, пришла в ужас. Видно было, что в воображении она уже нарисовала себе длинную череду мужчин, которые непременно станут посещать меня, причём обязательно с самыми неприличными целями.

К третьему, последнему дому я шла уже совершенно без энтузиазма, на чистом упрямстве. От голода в животе урчало, а уличные торговцы куда-то, как на зло, исчезли. Поэтому небольшой домик максимум комнат на десять я рассматривала мрачно и пессимистично. Тут распахнулась входная дверь, выпуская вполне приличного мужчину средних лет, и из дома повеяло одуряющими запахами еды. Опасаясь, что если не поем, то упаду в обморок прямо тут, я вошла в дом, рассчитывая перекусить и присмотреться. Несмотря на отсутствие вывески, на первом этаже обнаружилось нечто вроде небольшого трактирчика из разряда «для своих».

– Что желаете, юная госпожа? – приветливо окликнул меня из-за стойки высокий мужчина с такими роскошными усами, что я залюбовалась.

– Добрый вечер, – поздоровалась я и неуверенно спросила, – а можно пообедать? Или вы только жильцов кормите?

– Можно, отчего же нельзя, – добродушно усмехнулся

усач, – присаживайтесь, я к вам сейчас пришлю. Ну или сам подойду...

Я быстро оглядела зал, который выглядел чистым, аккуратным и каким-то на удивление уютным, выбрала небольшой столик в уголке и, пристроив саквояж на свободную лавку, устало вытянула ноги.

– Вы всерьёз покушать или слегка перекусить? – возле столика возникла симпатичная девушка примерно моих лет и доброжелательно мне улыбнулась.

– Если можно, то пообедать, – я даже не предполагала, что за годы жизни в пансионе настолько отвыкла от общения в обычных житейских ситуациях. – А скажите, комнат свободных у вас нет? Я только сегодня приехала, два дня в дороге, а жильё найти никак не могу, чтобы и чисто, и недорого.

– Сейчас спрошу, – кивнула девушка и, подумав, добавила, – кажется, сегодня утром как раз выехала одна дама. Скорее всего, батюшка ещё не успел никому её комнату сдать. Подождёте минутку?

– Конечно, – я улыбнулась, – в любом случае я твёрдо намерена пообедать.

Девушка убежала на кухню, а потом, видимо, передав мой заказ, подошла к обладателю роскошных усов. Она что-то быстро ему сказала, и трактирщик внимательно посмотрел в мою сторону, словно оценивая. Затем вышел из-за стойки и неторопливо направился к занятому мной столику.

– Дочка сказала, вы комнатой интересовались, юная гос-

пожа? – спросил он, усаживаясь на лавку, для чего ему пришлось слегка подвинуть мой саквояж.

– Да, я ищу жильё, – подтвердила я, чувствуя, что почему-то очень хочу остаться именно здесь, и дело было не только в усталости. – Пока примерно на пару месяцев, а там видно будет.

– Чем заниматься планируете, позвольте поинтересоваться? – задал он следующий вопрос, и я его прекрасно понимала: мало ли кто комнату снять захочет, разбирайся потом с последствиями!

– Я закончила факультет изящной словесности и хочу найти работу по специальности: или в библиотеке, или в издательстве. В крайнем случае – в газете могу поработать. Я труда не боюсь, вы не смотрите, что маленькая и щуплая!

– Позвольте вопрос задать, – помолчав, проговорил трактирщик, – почему барышня из хорошей семьи снимает жильё и ищет работу? У меня глаз намётанный – вижу, что из аристократов вы, юная госпожа. Или правильнее – юная леди?

– Леди, – вздохнув, призналась я, – понимаете, господин...

– Томас, леди, – представился трактирщик с улыбкой, – так что же с вами приключилось? Вы не думайте, я болтать не стану, хоть и работа у меня такая... разговорчивая. Мы, трактирщики, больше слушать любим. А ежели чужие секреты разбалтывать начнём, так быстро без клиентов останемся.

— Я хочу всего добиться сама, — чувствуя к этому человеку странное доверие, ответила я. А может, мне просто нужно было наконец-то с кем-то поговорить: в пансионе с этим было непросто. — Доказать всем, что я чего-то стою и сама по себе, отдельно от известной фамилии. Понимаете?

— Отчего же не понять, очень даже, — кивнул Томас, и я почувствовала, что это не просто слова, этот человек действительно меня понимает, — достойное дело, леди...

— Моника, — улыбнулась я ему, — леди Моника Мэнсфилд.

— Ох, неужто из тех самых Мэнсфилдов, которые в дальнем родстве с королевской фамилией? — изумился трактирщик, глядя на меня, впрочем, по-прежнему доброжелательно.

— Ну, родство настолько дальнее, что и упоминания не стоит, — улыбнулась я, — а так — да, из тех самых. Но вы не беспокойтесь, у меня с родителями всё в порядке, они с трудом, но приняли мой выбор.

— Это хорошо, — кивнул Томас, — что же касается комнатки... Посмотрите, леди, да и оставайтесь, ежели подойдёт вам. У нас ведь скромно, по-простому.

— Да мне скромно и надо, — улыбнулась я, — тогда давайте сейчас и посмотрим, а то вдруг, пока я обедаю, её перехватят: у вас так уютно и симпатично, что хочется остаться, даже не глядя.

— Спасибо на добром слове, леди, — довольно подкрутил шикарные усы трактирщик, — еду вам принесут минут через

десять, как раз и управимся.

Мы поднялись из-за стола, причём кряхтела в основном я, а не Томас, хотя он и был как минимум вдвое старше меня. Он быстро зашёл за стойку, взял со специальной доски ключ и жестом пригласил меня подняться на второй этаж. Там мы прошли по застланному половичком коридору, и трактирщик распахнул передо мной дверь.

Комнатка мне сразу понравилась: небольшое окно с цветастыми занавесками пропускало достаточно света и свежего воздуха, круглый столик был застелен аккуратной светлой скатертью, ящики комода были приоткрыты, видимо, чтобы проверить, не забыла ли чего бывшая постоялица, а кровать, украшенная ярким лоскутным покрывалом, так и манила прилечь. На чистом полу возле неё приютился пушистый коврик, наверное, для того, чтобы после сна вставать не на голый пол, а на уютную мягкость. Небольшой шкаф для одежды, пара стульев, столик, комод и кровать – вот и вся обстановка. Впрочем, после более чем скромной комнаты в общежитии эта показалась мне почти дворцом.

– Ванная комната и прочие удобства, уж простите, общие на четыре номера, – извиняющимся тоном сказал трактирщик, – те комнаты, что с собственными удобствами – те подороже будут.

– Мне очень нравится! – я улыбнулась Томасу, который от двери наблюдал, как я осматриваю будущее жилище. – Я правильно поняла, что стоит она два серебряных в месяц?

– Именно так, – подтвердил трактирщик, – ну а коли обещать тоже у нас захотите, то, думаю, в цене сойдемся, не обижу.

– Будет зависеть от того, какую работу и как быстро я найду, – подумав, ответила я, – но, думаю, я у вас проживу. Хлопот я вам не доставлю: шума сама не люблю, гостей приглашать не планирую, так что...

– Вот и прекрасно, – довольно погладил усы Томас, – тогда вот вам ключик, леди.

– Просто Моника, – улыбнулась я в ответ, – я от титула давно отвыкла, если честно: в пансионе нас вообще только по фамилиям звали.

– Как скажете, Моника, – видно было, что хозяину по душе такое моё отношение, – ну а я для вас дядюшка Томас тогда. Заселяйтесь сразу после обеда, а я в газету мальчика своего отправлю, чтобы объявление убрали. Чего зря людей в заблуждение вводить, правда?

– Спасибо вам большое, дядюшка Томас, – я протянула трактирщику заранее приготовленные монеты, – это за первый месяц.

– Сейчас запишу сразу, – хозяин опустил серебряные в карман и, подождав, пока я закрою теперь уже свою комнату, спустился в зал. На моём столике уже исходили ароматным паром тарелки, но я вдруг ощутила непреодолимое желание вернуться в комнату и, пожалуй, забаррикадироваться комодом. Или даже шкафом – он тяжелее.

За моим столом, сдвинув в сторону саквояж, сидел высокий господин преклонных лет, выглядевший не то чиновником средней руки, не то преуспевающим конторским служащим. Серый камзол, серые же брюки, крепкие удобные сапоги, в руках шляпа того же мышинового цвета, впрочем, всё из достаточно приличных, если не сказать – дорогих, материалов. Да и внешность у него была такая же невзрачная, но это исключительно до того момента, как вы встречали его взгляд: острый, внимательный, холодный.

Словно почувствовав моё появление, он медленно повернулся и встретился со мной взглядом, после чего вежливо встал и поклонился с неожиданным изяществом. Впрочем, этот человек был безупречен всегда и во всём. Чем, признаться, бесил чрезвычайно.

– Вам знаком этот человек, Моника?

– Да, дядюшка Томас, не волнуйтесь, этот человек не станет причиной ваших проблем, – вздохнув, сказала я, – его прямая обязанность совершенно иная. Он, скорее, привык их решать, а не создавать. Не так ли, господин Стайн?

– Совершенно верно, леди Моника, – отозвался неожиданный визитёр негромким голосом, таким же бесцветным, как и вся его внешность, но дядюшка Томас, услышав имя гостя, низко поклонился и спросил:

– Прикажете подать перекусить?

– Нет, ничего не нужно, – отказался Стайн, – я пришёл всего лишь переговорить с леди Моникой. И передать ей

устное послание, на которое рассчитываю получить положительный ответ.

– Домой не поеду! – со всей решимостью, на которую была в данный момент способна, сказала я. – Это моя и только моя жизнь! Так родителям и передайте!

– Вообще-то я не от них, а от леди Синтии, – прервал мою гневную речь господин Стайн, – она просила меня узнать, всё ли с вами хорошо и не соблаговолите ли вы завтра с утра нанести ей визит. Именно ей...

– А родители в курсе, что я приехала?

– Во всяком случае, я им об этом не сообщал, – невозмутимо сказал бывший глава Тайной полиции и по совместительству близкий друг моей бабушки господин Стайн. Наверняка он был лордом, но настоящего его имени никто не знал: для всех он был просто господином Стайном. Наверняка бабушка была в курсе, но мне и в голову не приходило расспрашивать её. Во-первых, она бы не сказала, а во вторых, биография господина Стайна как-то никогда не входила в круг моих интересов.

– Спасибо, – помолчав, я поблагодарила бывшего главного шпиона и глубоко вздохнула, – бабушка действительно будет одна? Просто я не готова сейчас встретиться с родителями.

– Насколько я знаю, леди Синтия заказала завтрак на две персоны, – как всегда, обтекаемо ответил Стайн, – полагаю, что для вас и себя. Она попросила меня проследить, чтобы

вам никто не помешал.

– Тогда я могу быть спокойна, – улыбка получилась не слишком весёлой, хотя перспектива встречи с бабушкой – единственной представительницы семьи Мэнсфилд, кто хотя бы попытался меня понять – не особо напрягала. – Значит, мы действительно поговорим приватно.

– Благодарю, – по-прежнему абсолютно безэмоционально ответил Стайн, – так я могу передать леди Синтии ваше согласие?

– Можете, – кивнула я, – я приеду в десяти, я не забыла, во сколько бабушка спускается к завтраку.

Услышав мой ответ, господин Стайн поднялся, педантично вернул саквояж на его место, поклонился и вышел из трактира, оставив меня в полном смятении.

Глава 3

Сидя в остановившемся экипаже, я смотрела на светло-зелёный дом с белыми колоннами, виднеющийся сквозь листву аккуратно подстриженных парковых деревьев. Это здание было для меня одновременно невероятно близким, родным, и в то же время совершенно чужим, из другой, прошлой жизни, к которой я не собиралась возвращаться.

Подхватив скромную сумочку, я вышла, расплатилась с извозчиком и медленно пошла вдоль кованой ограды в сторону входа. По аллее возле ворот со скучающим видом прогуливался господин Стайн, видимо, совершенно случайно выбравший именно это место для утреннего моциона.

Увидев меня, он также неторопливо прошёл к небольшой калитке, расположенной справа от створок, и лично её открыл. Видимо, мой визит действительно старались сохранить в тайне, за что я была и бабушке, и Стайну искренне признательна.

– Доброго утра, леди Моника, – поприветствовал меня бабушкин друг и жестом пригласил пройти с ним. Можно подумать, за прошедшие четыре года я успела забыть дорогу.

– Доброе утро, господин Стайн, – вежливо ответила я, принаравливаясь к его достаточно широким шагам. Он заметил это, и пошёл немного медленнее, давая мне возможность не спешить и смотреть по сторонам. – Здесь практиче-

ски ничего не изменилось за эти годы...

– Разумеется, – нейтрально согласился мой сопровождающий, – вы отсутствовали не настолько долго, чтобы с парком могло что-нибудь произойти.

– А бабушка? – зачем-то спросила я. – Она в порядке? Для человека четыре года – это достаточно много.

– Леди Синтия, как всегда, полна оптимизма и планов, – мне показалось, или в голосе господина Стайна мелькнуло что-то нормальное, человеческое? Да нет, вряд ли: камни не умеют чувствовать. – Впрочем, скоро у вас будет возможность убедиться в этом лично.

За таким ни к чему не обязывающим разговором мы дошли до крыльца, и я с внезапно бешено заколотившимся сердцем поднялась по таким знакомым ступенькам.

Я точно помнила, что их ровно восемь: когда мы с родителями приезжали сюда, я почему-то всегда считала ступеньки, поднимаясь и спускаясь. Вот знакомая выбоинка на пятой снизу, а вот цветное пятнышко на предпоследней, неизвестно откуда взявшееся на светло-сером мраморе.

В дверях нас встретил Хиллард – бабушкин дворецкий, который всегда мне казался существом из какого-то иного мира, не человеком, настолько он был невозмутим и безупречен. За все годы я не могла вспомнить ни одного случая, когда его одежда была бы не идеальна, а из причёски выбилась бы хотя бы один волосок.

Вот и сегодня кружева форменной рубашки были бело-

снежными, и по контрасту с ними тёмно-синий фрак казался ещё темнее. Перчатки, наверное, можно было бы рассматривать через увеличительное стекло и всё равно не найти на них ни одной пылинки. Пробор в тщательно уложенных седых волосах, казалось, был проведён по линейке, а количество волосков в аккуратно подстриженных усах наверняка тоже строго соответствовало каким-нибудь правилам для образцово-показательных дворецких.

– Леди Моника, – он отвесил мне положенный поклон, но в его светлых глазах на миг мелькнула радость, точнее, её едва заметная тень, ибо любые эмоции Хиллард демонстрировал крайне неохотно.

– Здравствуйте, Хиллард, – я тепло улыбнулась дворецкому, который был такой же обязательной частью этого дома, как и витающий в холле аромат лилий: лёгкий, ненавязчивый, ровно такой, чтобы вызывать улыбку, а не головную боль. – Вы совершенно не изменились за эти годы.

– Благодарю, леди, – с достоинством поклонился Хиллард, – леди Синтия ожидает вас в малой столовой.

Малая столовая была, наверное, самой уютной комнатой в огромном доме блистательной леди Синтии Мэнсфилд, ближайшей подруги королевы-матери. Бабушка уже почти три десятилетия была наперсницей её величества и одной из влиятельнейших женщин в стране.

Я привычно прошла через холл и не слишком длинный коридор, дважды повернула и оказалась в залитой утренним

солнцем небольшой комнате. В центре располагался стол, на котором всё было приготовлено к завтраку: стояли блюда с выпечкой и сладостями, под прозрачными крышками лежали нарезанная ветчина и сыр, в вазочках тёмно-красным глянец блестело варенье.

Но я смотрела не на стол, а на кресло с высокой спинкой, в котором расположилась хрупкая женщина с тёмно-русыми волосами, уложенными в простую, но изящную причёску. Темные глаза, в уголках которых были едва заметны ниточки морщинок, смотрели спокойно и внимательно, на губах играла лёгкая улыбка.

– Бабушка! – я моментально забыла о своём твёрдом намерении быть взрослой и серьёзной, не поддаваться порывам и ни в коем случае не вести себя по-детски. – Как же я рада тебя видеть!

В несколько шагов преодолев комнату, я опустилась на колени возле кресла, как всегда делала это раньше, до отъезда в пансион.

– Я тоже рада, моя девочка, – бабушка легко погладила меня по волосам и, протянув руку, помогла мне подняться на ноги. – Дай же мне посмотреть на тебя, Моника! Как ты выросла, как похорошела, просто прелесть что такое! И, что особенно приятно, в тебе сразу видна наша порода, сразу понятно, что ты – Мэнсфилд!

Это было действительно так: я словно специально собрала все отличительные особенности внешности, характер-

ные для многих поколений Мэнсфилдов. Невысокий рост и изящное, даже хрупкое телосложение, очень светлая кожа в сочетании с тёмными глазами, тонкие черты лица, густые, чуть волнистые тёмно-русые волосы.

– Здесь ничего не изменилось! – стараясь скрыть нектасти выступившие на глазах слёзы, сказала я, делая вид, что рассматриваю комнату. Бабушка понимающе улыбнулась и первой прошла к столу. Несмотря на то, что завтракали мы вдвоём, прислуживал за столом лично Хиллард, что случилось на моей памяти впервые. Это ещё раз доказывало, что бабушка действительно делает всё для того, чтобы о моём визите знало как можно меньше народа.

Когда завтрак был практически закончен, бабушка задумчиво отставила чашку и внимательно посмотрела на меня. Этот взгляд я помнила прекрасно, и означал он всегда только одно: сейчас я услышу что-то важное и, скорее всего, не слишком приятное.

– Моника, скажи мне, чем ты планируешь заниматься? – делая маленький глоток чая, осведомилась леди Синтия. Именно так, потому что сейчас передо мной была именно она – доверенное лицо вдовствующей королевы, а не близкая родственница.

– Я хотела бы найти работу по специальности, возможно, в каком-нибудь издательстве или редакции. В крайнем случае для начала меня устроила бы даже служба в архиве или библиотеке, – откровенно ответила я, не видя смысла скры-

вать правду.

– В редакции? – взгляд леди Синтии стал чуть более внимательным, хотя весь её вид говорил о том, что она просто наслаждается ароматным напитком и беседой. – То есть ты знакома с основами работы печатных изданий? Газеты, например...

– Да, у нас был целый курс, посвящённый именно этому, – подтвердила я, начиная подозревать об истинной причине приглашения. Нет, в том, что бабушке что-то от меня нужно, я даже не сомневалась, вопрос был только в том – что именно. Версий я со вчерашнего дня успела построить множество... но газета?! Такой вариант я, признаться, не рассматривала.

– Как удачно, – довольно протянула леди Синтия, задумчиво рассматривая носок слегка выглянувшей из-под подола моей юбки простенькой туфельки. – Я бы даже сказала – просто замечательно!

– Чем же? Ты собираешься приобрести какую-нибудь газету? Но зачем тебе эта куча проблем? – я с совершенно искренним недоумением посмотрела на бабушку.

– Мне – абсолютно не за чем, мне и без того забот хватает, – согласилась со мной она, – но вот Алекс...

Алексом бабушка звала наше королевское величество, которое прекрасно помнила с тех пор, когда оно только училось ходить. Именно тогда молодая королева Жозефина познакомилась и неожиданно для всех подружилась с Синти-

ей Мэнсфилд, которую впоследствии сделала своей старшей фрейлиной, ближайшей подругой и поверенной всех больших и маленьких тайн. С тех пор прошло почти тридцать лет, но уже вдовствующая королева-мать и её наперсница до сих пор успешно опровергали расхожее мнение о том, что дружба между женщинами невозможна.

Так вот, маленький Алекс рос, рос и постепенно вырос во вполне достойного монарха, которому её величество несколько лет назад с удовольствием спихнула нелёгкие королевские обязанности. И хотя на людях, разумеется, леди Синтия обращалась к его величеству исключительно в рамках протокола, то наедине, пожалуй, только ей – кроме королевы-матери, конечно, – позволялось называть его величество Александра просто Алексом.

– Что – Алекс? – моментально насторожилась я, так как при всех несомненных положительных и достойных всяческого уважения качествах у нашего короля был один, но крупный недостаток. Он чрезвычайно любил всевозможные новшества, при этом делал всё, чтобы обязательно проверить их полезность на практике.

Придворные, эти закалённые в интригах и бескомпромиссной конкурентной борьбе люди, до сих пор с душевным трепетом вспоминали, как его величество, побывав в одной из соседних стран, решил внедрить у нас здоровый образ жизни, и со столов на традиционных королевских завтраках мгновенно исчезли все сладости, выпечка и прочие прият-

ные вещи. Их заменили полезные свежевыжатые соки и нарезанные кусочками фрукты. Правда, первой взбунтовалась королева-мать, как-то посетившая такой завтрак и не обнаружившая на столе столь любимого ею земляничного зефира. Король Александр разочарованно вздохнул, придворные расслабились и преисполнились к её величеству признательности, причём на этот раз совершенно искренней.

Потом он внезапно решил, что для сохранения здоровья жителей королевства очень полезно будет ввести повальные занятия иньскими духовными практиками, после чего все придворные, старательно пряча вполне объяснимое раздражение, срочно научились впадать в нирвану и постигли дзен. Впрочем, надо отдать его величеству должное, он не только загружал подданных, но и сам был в первых рядах. Впрочем, это не сильно утешало старательно завязывающих ноги в очередной немислимый узел придворных. К тому же такой подход лишал их малейшей возможности как-то увильнуть от участия в эксперименте.

– Что он придумал на этот раз? – с неподдельным интересом поинтересовалась я, безуспешно пытаюсь предугадать очередную гениальную идею главы государства. – Хочет позакрывать все газеты?

– Наоборот, – вздохнула бабушка, – он решил, что дворцу совершенно необходима своя газета.

– Зачем?! – абсолютно искренне изумилась я. – Ему общегосударственных мало?

– Ты же знаешь, что мальчик очень любит быть в курсе всех новостей, и это похвальное для короля качество, между прочим, – добавила леди Синтия, заметив мою усмешку, – иначе можно и заговор какой-нибудь проморгать. Это раньше, при Стайне, можно было быть уверенным, что всё будет в порядке, а новый глава Тайной полиции кажется мне довольно легкомысленным молодым человеком. Впрочем, это их мужские игры, не стоит им мешать.

Я хотела было сказать, что, насколько я в курсе, бабушка всю жизнь занималась именно тем, что встревала в эти самые «мужские игры». Но полученный за годы обучения в пансионе жизненный опыт настойчиво подсказывал, что эти соображения лучше оставить при себе.

– Его величество всё равно уже принял решение о создании дворцовой газеты, – добавила бабушка, отставляя пустую чашку.

– И что оно – в смысле, наше величество – собирается в этой газете публиковать? Меню королевских завтраков? Дворцовые сплетни?

– Этот вопрос он намерен сегодня вечером обсудить с будущим главным редактором, – с не очень понравившейся мне интонацией сказала леди Синтия. – Надеюсь, ты поняла, кого я имею в виду, Моника?

– Очень хочется верить, что нет, – ответила я, – я, конечно, нахожусь в поиске работы, но не уверена, что готова окунуться в очаровательный мир интриг, подковёрных игр, вза-

имной неприязни и войны за место под солнцем.

– Я предлагаю тебе просто поговорить с Алексом, – бабушка внимательно на меня посмотрела, – эта беседа ни к чему не будет тебя обязывать. Не захочешь принять его предложение – пойдёшь себе спокойно дальше искать работу. И, не исключено, что даже найдёшь её.

– А почему бы Алексу не нанять кого-нибудь более подходящего и опытного? – я действительно не понимала, почему эту работу предложили мне, вчерашней выпускнице.

– И впустить постороннего человека в специфический мир дворцовой жизни? – леди Синтия возмущённо всплеснула руками. – Нет уж! Это должен быть человек нашего круга, знакомый со спецификой дворца и высшего света. Но при этом он должен работать... или искать работу. Ты много таких знаешь, Моника?

Я на секунду представила, сколько приватной информации, касающейся первых лиц королевства, может стать достоянием жадной до сенсаций общественности в случае, если кого-то чужого допустить в достаточно замкнутый дворцовый мир, и поняла, что король прав. Если уж ему приспичило обзавестись «карманной» газетой, то и редактора, и сотрудников нужно искать исключительно среди своих.

А много ли среди придворной публики тех, кто захочет и, главное, сможет организовать газету и проконтролировать этот непростой процесс от замысла до необходимого результата? И вообще тех, кто работает, а не просто проводит во

дворце время. Вот именно... Таких сумасбродок, как я, можно пересчитать по пальцам, причём вполне хватит одной руки. Да что там... Такая... не очень умная особа, наверное, вообще одна.

Я посидела, жуя сдобное печенье, помолчала, подумала и, придя к не очень утешительным выводам, решила уточнить:

– Ты знала, что меня этому учили? – в моём голосе невольно прозвучали обличительные нотки, но это было совершенно не то, что могло бы смутить леди Синтию.

– Я не в курсе подробностей, – ответила она, невозмутимо намазывая малиновый джем на тост, – мне они ни к чему, как ты понимаешь.

– Скажи, Александр сам додумался до этой блестящей идеи или ему кое-кто помог? – задала я следующий, провокационный, с моей точки зрения, вопрос.

– Ты же знаешь Алекса, – бабушка махнула рукой, – чтобы загореться очередной безумной идеей, ему никто не нужен: он прекрасно справляется сам.

– И всё же, что сподвигло его на такой странный шаг? – не желала успокаиваться я.

– Ничего глобального, – бабушка улыбнулась, – просто выяснилось, совершенно случайно, между прочим, что король не в курсе половины сплетен и слухов. Это его чрезвычайно огорчило, и Алекс подумал, что, раз пресечь появление слухов невозможно, то нужно сделать этот процесс орга-

низованным и подконтрольным. К тому же ни у одного монарха нет своей дворцовой газеты, а у него будет!

– Интересная логика, – не смогла ничего возразить я, – но у меня нет необходимых практических навыков. Исключительно теоретические знания, которых наверняка будет недостаточно.

– Ах, какая ерунда, – отмахнулась леди Синтия, – наймёшь помощников, было бы о чём волноваться! Так когда ты сможешь встретиться с королём? Видишь, он настолько любезен, что предоставляет тебе свободу выбора.

– Да мне практически всё равно, – я, как и всегда, сдалась под бабушкиным напором, тем более что работа мне действительно нужна.

– Прекрасно, – довольно провозгласила она, – тогда я организую вам встречу сегодня вечером, часиков в восемь. Поэтому будь добра к этому времени привести себя в порядок. При всём твоём своеволии не забывай: ты Мэнсфилд!

– Наряжаться не буду, – тут же насупилась я, понимая, насколько глупо и по-детски выгляжу, но не в силах с собой справиться.

– Как хочешь, – неожиданно спокойно пожала плечами леди Синтия, – никто не заставляет. Но если уж тебе приспичило надеть не платье, а жакет и юбку, – тут она слегка поморщилась, – то пусть они выглядят достойно. Глядишь, ещё и в моду их введёшь.

– Одеваюсь в соответствии с возможностями, – я прекрас-

но понимала, что раздуваю конфликт на пустом месте, но, видимо, сказывалось знаменитое упрямство Мэнсфилдов. – Я на этот приём не напрашивалась!

– Как же иногда с тобой тяжело, – устало вздохнула бабушка, – да ходи ты хоть в монашеском рубище, но – не тогда, когда идёшь во дворец. Надеюсь, честь и репутация семьи для тебя всё ещё не пустой звук?

– Это запрещённый приём! – возмутилась я, но наткнулась на безмятежный взгляд леди Синтии и поняла, что она всё равно добьётся своего, при этом я буду выглядеть, как упрямый глупый ребёнок, а не как взрослая здравомыслящая девушка. – Ну хорошо...

– Отлично, – кивнула бабушка, – поедешь сейчас в лавку госпожи Туссон и купишь всё, что тебе нужно. И обувь! Моника, что на тебе за туфли! Это же ужас что такое! Скажешь, чтобы счёт прислали во дворец.

– Почему? Я ведь ещё не согласилась? – удивилась я, в глубине души прекрасно зная, что скажу «да». Понимала это и бабушка, поэтому никак не прокомментировала мои слова, а лишь улыбнулась.

Выйдя от леди Синтии в состоянии глубочайшей задумчивости, я в сопровождении верного и по-прежнему абсолютно невозмутимого господина Стайна села в вызванный им экипаж и направилась в сторону торгового центра города. Даже если мы с Александром не договоримся, у меня есть возможность обновить гардероб за счёт казны: пустячок, а

приятно. К тому же – прямая экономия.

В лавку госпожи Туссон, напоминавшую, скорее, большой магазин, я входила уже в прекрасном настроении. Встретившая меня девушка уточнила, что я хотела бы, и, услышав моё имя, быстренько позвала хозяйку.

Владелица лавки, известная всей столице модистка, госпожа Розалия Туссон, вышла ко мне, сияя почти искренней улыбкой. Когда-то давно бабушка помогла ей в каком-то щекотливом деле, и с тех пор к членам нашей семьи госпожа Розалия относилась с особой симпатией. Матушка, правда, предпочитала одеваться у придворных портних, а вот я частенько бывала здесь и раньше.

– Леди Моника! – воскликнула госпожа Туссон. – Какой приятный сюрприз! А я и не знала, что вы вернулись в столицу...

Последовавшая пауза предполагала, что я поведаю, где была целых четыре года, но я лишь загадочно улыбнулась. Модистка мгновенно поняла намёк и переключилась на более важные вещи.

– Вы заказать что-нибудь? – она быстрым взглядом окинула мой скромный костюм, но промолчала.

– Да, госпожа Розалия, – мило улыбнулась я. – Мне нужна юбка, пара блузок и жакет. Ну и подходящие туфельки, разумеется.

– Не платье? – тщательно подрисованные брови госпожи Розалии удивлённо приподнялись.

– Нет, – ещё лучезарнее улыбнулась я, – именно то, что я назвала. Какие-то проблемы, госпожа Розалия?

– Ни малейших, – быстро сориентировалась модистка, – желание клиента – закон для нас! Итак, какие ткани мы будем использовать, леди Моника?

– Лучшие, – решительно сказала я, решив, что государство вообще и его величество в частности от этого явно не обеднеют, – и счёт потом отправьте во дворец, пожалуйста.

– О! – это восклицание было единственным выражением удивления, которое позволила себе многоопытная госпожа Розалия, ибо в такой ситуации очень легко промахнуться и сказать не то и не так.

– Итак, мне нужна длинная удобная юбка, не узкая, скорее, кажущаяся узкой, – начала перечислять я, невольно увлекаясь, как любая девушка, которой вдруг предоставили возможность заняться гардеробом, не задумываясь о стоимости вещей. – Две блузки: одна светлая с кружевами и вторая поскромнее, но стильная и в тон юбке. И жакет насыщенного цвета в комплект к юбке и блузкам. Уверена, что по цвету вы сориентируетесь даже лучше, чем я.

– Разумеется, леди Моника, – тонко улыбнулась модистка, – я прекрасно помню вашу нелюбовь к некоторым цветам, например, к жёлтому. В соответствии с модой этого сезона, полагаю, мы остановим свой выбор на различных оттенках винного с добавлением белого. Как вы считаете?

– Прекрасно, – согласилась я, – но, госпожа Розалия, один

комплект мне нужен сегодня вечером. Мы можем подобрать что-то из готового и подогнать?

– Сегодня? – слегка растерялась госпожа Туссон, но быстро взяла себя в руки. – Мы наверняка подберём что-нибудь, исходя из озвученных вами пожеланий, леди Моника.

Через два часа, утомлённая бесконечными примерками, но страшно довольная, я садилась в вызванный для меня экипаж, а коробки с частью моего нового гардероба посыльный госпожи Туссон аккуратно сложил на свободное сидение.

Увидев меня с кучей коробок, украшенных логотипом известной модной лавки, дядюшка Томас лишь головой покачал, мол, девицы – они всегда такие. Денег мало, но на новое платье всегда найдутся.

– У меня вечером встреча с королём, – зачем-то сообщила я, хотя никогда не имела привычки перед кем-то отчитываться и что-либо объяснять. – Возможно, я даже получу работу во дворце, если меня заинтересует предложение его величества.

Трактирщик взглянул на меня с явным недоумением, и в его глазах отчётливо читалась мысль о том, что нужно быть, мягко говоря, не очень умной, чтобы отказаться от работы во дворце.

– Но от вас я не съеду, даже не думайте, – уверенно заявила я, – хватит мне и дня в этом зверинце, не хватало ещё на ночь там оставаться. Тем более, что отсюда до дворца минут

десять пешком.

– А что же вы там делать станете? – не выдержал дядюшка Томас.

– У его величества Александра какая-то идея по поводу газет и книг, – не стала вдаваться в подробности я, – а я ведь закончила факультет изящной словесности, так что, судя по всему, что-то связанное с библиотекой.

– Ну, библиотека – место, наверное, спокойное, – не слишком уверенно сказал трактирщик, чьё общение с подобными заведениями было, видимо, весьма скромным.

– Очень спокойное, – заверила я, не желая, чтобы этот славный человек за меня волновался, – иногда по целым дням никого нет.

– Ну так оно и понятно, – ухмыльнулся дядюшка Томас, – чего там делать-то... Но ежели помощь какая понадобится – говорите сразу, хорошо?

– Спасибо, – совершенно искренне поблагодарила я, чувствуя себя немного неловко от такой заботы со стороны постороннего в общем-то человека. В нашей семье такое внимание не было принято: просто каждый должен был действовать в соответствии с общими нормами и правилами, что, по мнению родителей, исключало возникновение каких-либо проблем.

Вечером, около половины восьмого, за мной прибыл бабушкин экипаж, чтобы отвезти меня на судьбоносную встречу с королём. Надо сказать, что знала я его величество очень

плохо: сначала он мотался по дальним гарнизонам и во дворце мелькал редко, да и я была совсем маленькая, потом он развлекался в роли принца и на таких пигалиц, как я, не обращал внимания, да и мне был не слишком интересен, а потом, когда Александр стал королём, я уехала в пансион. Так и получилось, что я видела его несколько раз издали на приёмах и балах, но лично ни разу не общалась. Ну вот не довелось как-то...

Экипаж, как я и предполагала, подъехал не к главным воротам, а к так называемой «калитке для частных визитов»: небольшим воротцам, от которых можно было быстро и относительно незаметно дойти до увитого зеленью крыльца. Им традиционно пользовались те, кто не желал афишировать свой визит во дворец. Я дождалась, пока традиционный караул промарширует мимо крылечка и исчезнет за поворотом. Хорошо, что его величество обитает сейчас в летнем дворце: здесь и магическая защита попроще, и услуги поменьше, и вообще – всё достаточно демократично.

Интересно, а почему Александр старается сохранить мой приход в секрете? Или вопрос в том, что он ещё не определился с кандидатурой на пост редактора? Впрочем, меня это вполне устраивало: чем меньше народу будет знать о моём возвращении, тем лучше.

Одетый в придворную ливрею важный лакей проводил меня по лестнице на второй этаж, где передал с рук на руки другому работнику дворцового сервиса. Он и проводил меня

к дверям, рядом с которыми навтыжку стояли два гвардейца. Лакей постучал и, выждав некоторое время, распахнул передо мной дверь.

Глава 4

Его величество король Александр сидел за большим столом, который, как ни странно, выглядел не парадно-представительским, а именно рабочим: стопками лежали бумаги, стоял большой стакан с самопишущими перьями – чрезвычайно востребованной магической новинкой, аккуратной горкой лежали свёрнутые в трубочки карты. Рядом скромно приютился небольшой столик, на котором расположились кофейник и белоснежная фарфоровая чашка. Никаких печенек, конфет и прочих сопутствующих приятностей не наблюдалось.

Я внимательно рассматривала короля, стараясь, впрочем, не таращиться слишком уж откровенно. Он, в свою очередь, пристально изучал мою скромную персону.

– Прошу вас, леди Мэнсфилд, проходите, – наконец пригласил меня подойти его величество, – рад видеть вас в добром здравии.

– Благодарю вас, ваше величество, – я присела в реверансе, – мне передали, что вы хотите поговорить со мной?

– Да, – король устало потёр ладонями лицо, – простите за такую срочность и таинственность, быть может, излишнюю. Но дело, о котором я хочу с вами поговорить, достаточно щекотливое и непростое.

– Леди Синтия сказала, что вы хотите создать внутрен-

ную дворцовую газету, – решила я слегка помочь явно жутко уставшему королю.

– Именно так, леди Моника, – кивнул король Александр, глядя куда-то в пространство перед собой, – мне кажется, это очень интересная идея. Вот смотрите...

По мере того, как он говорил, усталость словно постепенно сползала с него, исчезала, не в силах сопротивляться креативу. В глазах появился блеск, на щеках вспыхнул румянец, и король перестал напоминать бледную копию самого себя. Я присмотрелась и с удивлением поняла, что наше величество – очень даже привлекательный мужчина. Как-то раньше я его с этой точки зрения не рассматривала, а зря: высокий, широкоплечий, с правильными, хотя и слегка тяжеловатыми чертами лица, гривой светлых волос и характерными для всех членов правящей семьи ярко-синими глазами. Ну просто герой девичьих грёз, а не монарх! И как это его королева-мать до сих пор не женила, интересно? Куда смотрят окрестные принцессы? Но тут я вспомнила, что вот как раз с принцессами наблюдается определённая напряжённость: большинство соседей-государей боги наградили сыновьями, и всех имеющих в наличии более или менее симпатичных принцесс уже давно расхватили самые предприимчивые женихи.

– Идея интересная, – не стала спорить я, – но для того, чтобы её организовать, нужен опыт, сотрудники и деньги.

– Не только, – возразил мне его величество и, взвесив в

руке кофейник, поинтересовался, – кофе хотите? Вроде даже горячий ещё.

– Спасибо, с удовольствием, – поблагодарила я, с удивлением глядя на доставшего откуда-то из ящика стола вторую чашку и собственноручно разливающего кофе короля. – А почему такая секретность, ваше величество?

– Я расскажу только будущему редактору, – твёрдо ответил король и сделал глоток вкусно пахнущего кофе. – Я могу считать, что мы договорились?

– Знаете, это, наверное, самый странный приём на работу за последние лет сто или даже двести, – высказала я свою точку зрения на происходящее, – вы предлагаете мне возглавить дело, требующее опыта и практики, которых у меня нет. Более того, вы делаете это так скрытно, словно подбираете как минимум секретного агента.

При этих моих словах король едва заметно вздрогнул, и такая реакция мне, мягко говоря, не понравилась. Что скрывается за идеей создания газеты о дворцовой жизни?

– Ваше величество, – осторожно обратилась я к королю, – если вы хотите, чтобы я согласилась, хотя всё равно не понимаю, для чего вам именно я, то вам лучше рассказать всё, как есть, честное слово. И мне так проще будет принять решение, и вам не придётся выкручиваться. Я не проболтаюсь, даю слово. А слово Мэнсфилдов крепче камня, как говорит мой отец.

– Наверное, вы правы, леди Моника, – вздохнув, признал

мою правоту король, – скажите, имя певицы Клео вам о чём-нибудь говорит?

– Разумеется, а при чём здесь новая знаменитость? – такого поворота разговора я меньше всего ожидала и даже не сочла нужным скрыть своё недоумение.

– Дело в том, что она пропала, – поморщившись, как от головной боли, сказал король Александр, – прямо во дворце после концерта, а её импресарио был найден с тяжкими ранениями. Да, я сделал всё, чтобы информация об этом не стала достоянием общественности, так как там много нюансов, о которых вам пока знать ни к чему. И мне категорически не хочется нанимать для расследования людей со стороны, а Тайная полиция пока ничем похвастаться не может.

– И вы решили, что, собирая материал для газеты, я смогу узнать что-то, что не смогли выяснить сыщики? – я изумлённо смотрела на короля.

– Мои мысли настолько очевидны? – его величество разочарованно вздохнул. – Но вы абсолютно правы, именно на это я и рассчитывал. И ваша кандидатура кажется мне наиболее удачной: вы вхожи во дворец, но при этом долгое время отсутствовали, у вас свежий взгляд на многое. К тому же у вас образование, позволяющее заниматься организацией газеты, и ваше назначение не вызовет никаких подозрений. К тому же все понимают, что для статей вам нужны материалы, так что осторожные расспросы никого не удивят. Ну и последнее: родовая часть Мэнсфилдов не позволит вам на-

рушить данное мне обещание молчать. И потом – разве вам не интересно?!

– Интересно, конечно, врать не стану, – вздохнула я, – но меня не оставляет ощущение, что вы умело мной манипулируете, ваше величество, уж простите мне эту дерзость. И что у вас гораздо более серьёзные планы и на газету, и на меня. Я не слишком самонадеянна?

– Ничуть, – король откинулся на спинку кресла и по-новому, с гораздо большим интересом, принялся меня рассматривать, словно занятный экспонат в музее. Не могу сказать, что мне это понравилось, но я промолчала: просто на всякий случай.

– То есть я права? – не знаю, какой ответ я предполагала услышать, но поняла, что, не добившись хотя бы относительной ясности, на предложение его величества не соглашусь.

– Правы, – согласился король, изобразив некое подобие раскаяния, – я хочу, чтобы вы стали моими глазами и ушами во дворце.

– А что, специально обученные сотрудники не справляются? – я понимала, что говорю не совсем так, как подобает говорить с королём, но он сам задал такую демократичную тональность беседы.

– Проблема в том, что в их случае все прекрасно знают о том, что это именно сотрудники, – пожал широкими плечами Александр, – и с ними никто откровенничать не станет. Более того, им могут подсунуть заведомо ложную информа-

цию. А вы, леди Моника, прекрасно вписываетесь в ситуацию.

— Я поняла ваш замысел, ваше величество, во всяком случае, в той его части, которую вы мне изложили, — я говорила медленно, обдумывая каждое слово, — и я готова согласиться, если и вас устроят мои условия.

— Ваши условия? — король с недоумением посмотрел на меня, словно его любимая собака вдруг сообщила, что непременно пойдёт на охоту, но только если будут выполнены её условия. — Как забавно... А вы не могли бы меня с ними ознакомить?

— Разумеется, — я подумала, что если уж он не выгнал меня за нахальство сразу, то есть шанс, что он не сделает этого и потом. Хотя не факт, конечно! — Итак, я действительно буду делать газету, так как это интересный проект. Рубрики и бюджет мы с вами обсудим отдельно.

Король сцепил руки в замок, положил на них подбородок и с едва заметной улыбкой слушал меня, даже ни разу не перебив. Когда я выдохлась, он помолчал и, приняв какое-то решение, кивнул не то мне, не то сам себе.

— Звучит привлекательно, — одобрил он мою концепцию придворной газеты, — составите приблизительную смету и принесёте мне, я сам передам казначею, иначе он отложит это «на потом», а то и вообще забудет. Так будет надёжнее.

— Ваше величество, — кашлянув, решила я перейти к тревожившему меня вопросу, — а что случилось с певицей? Вы

сказали, что она пропала прямо во дворце. Ситуация, конечно, неприятная, но не настолько, чтобы разводить вокруг такую секретность. Поймите, это не праздное любопытство, – поспешила добавить я, заметив, как недовольно скривился его величество, – просто не хотелось бы заниматься тем, о чём не имеешь ни малейшего представления.

– Вы правы, леди Моника, конечно же, вы совершенно правы, – видно было, что королю ужасно не хочется говорить на эту тему, но при этом он прекрасно понимает, что выдать мне хотя бы часть информации придётся.

В итоге он тяжело вздохнул и сказал:

– Видите ли, с госпожой Клео связана некая тайна, сути которой не знаю даже я. Когда моя матушка, вдовствующая королева Жозефина, встретила с девушкой после её выступления, то произошла очень странная вещь, – король замолчал и глубоко задумался, но мне даже в голову не пришло как-то его торопить или вообще напоминать о своём присутствии. Но его величество вскоре очнулся и продолжил. – Матушка что-то увидела, отчего упала в обморок. Ни на один мой вопрос она не ответила, лишь сказала, что это была обычная слабость. Но я не верю и абсолютно убеждён, что исчезновение госпожи Клео, нападение на её учителя и импресарио и обморок её величества – звенья одной цепи.

– И вы хотите, чтобы я попыталась что-нибудь узнать? – растерянно уточнила я, воздержавшись от рвущегося наружу вопроса о том, не надо ли достать с неба луну и пару звёзд.

Чего уж там...

– Было бы неплохо, – поднял на меня усталые глаза король, – тем более что ваша бабушка, леди Синтия, так дружна с её величеством. Видите, как всё совпало! Но я попрошу вас дать слово Мэнсфилдов, что любая информация, касающаяся вашего... дополнительного задания, будет только у двух человек: у вас и у меня.

– Вы настолько мне доверяете?

– А у меня нет выхода, леди Моника, – усмехнулся король Александр, – это лучший вариант из всех, который приходили мне в голову, а их было немало, уж можете мне поверить! К тому же, – тут он неожиданно подмигнул мне, – придворная газета – это может быть очень и очень интересно и весело. Вы так не считаете?

– Я принимаю ваше предложение, – подумав, сказала я, даже не сомневаясь, что впутываюсь в очень непростую историю, но его величество был прав: это очень, очень-очень интересно!

– Спасибо, – неожиданно просто и как-то на удивление по-человечески ответил король, – тогда завтра прямо с утра приходите в казначейство, подпишете все бумаги – они уже готовы – и можете приступать к работе. На ближайшем малом приёме я объявлю о вашем назначении, чтобы не возникало лишних вопросов. Что касается жалования, поверьте, сумма вас не разочарует. Вам нужен кабинет?

– Хотелось бы, – я потрянула головой, слегка ошалев от

темпов, с которыми его величество решал вопросы, – и, если можно, здесь, в летнем дворце. Оно и к вам поближе, и поспокойнее для начала. А после первой пары выпусков посмотрим.

– Тогда я предупрежу дворецкого, чтобы вам выделили комнату, – король, видимо, сочтя разговор завершённым, придвинул к себе какие-то документы, но снова поднял голову, – и ещё, леди Моника... Так как идея создания газеты принадлежит мне, я хотел бы быть в курсе. Когда вы сможете предоставить мне проект и смету?

– Дайте мне два дня, – подумав, решительно ответила я, – думаю, мне для начала этого хватит.

Выйдя от короля, я остановилась в коридоре возле скупающего стражника, стоявшего в карауле возле входа в кабинет. Информации было слишком много, и она требовала неторопливого анализа. А потом можно и за составление плана приниматься. При мысли о том, что скоро у меня будет чёткий перечень необходимых действий, на сердце потеплело. У меня есть работа! Да ещё какая! И это буквально на второй день после приезда в столицу. Разумеется, я понимала, что во многом моё стремительное трудоустройство – заслуга леди Синтии, но ведь я и сама смогла не оплошать. Во всяком случае, очень хочется в это верить.

Пока я соображала, куда мне теперь идти и с чего начать, мимо меня в кабинет торопливо прогалопировал сухонький старичок в камзоле с дворцовой эмблемой. Я его узнала: это

был господин Норфильд, который уже невесть сколько времени выполнял функции не то дворецкого, не то эконома, не то управляющего. Меня он не узнал, что было совсем не удивительно, хотя и поклонился на бегу достаточно любезно.

Буквально через пять минут он всё так же поспешно вышел из кабинета и на этот раз уж совершенно целенаправленно двинулся в мою сторону.

– Леди Мэнсфилд! – воскликнул он. – Как же я мог не узнать вас! Впрочем, вы так изменились, так невероятно похорошели! Я ведь могу на правах старого знакомого разговаривать с вами по-прежнему почти без церемоний?

Надо сказать, что господину Норфильду действительно было позволено несколько больше, чем другим служащим: он занимал некую промежуточную позицию между аристократами и обычными работниками дворцовых служб, коих было какое-то совершенно нереальное количество.

– Рада видеть вас в добром здравии, – любезно улыбнулась я, так как вовремя сообразила, что старый дворецкий – совершенно не тот человек, отношения с которым стоит портить. Особенно с учётом моей будущей работы.

– Его величество сказал, – в умных и живых не по возрасту глазах старика вспыхнули искры жгучего интереса, – что во дворце появится газета! Это действительно так? Какая интересная и необычная идея! И что заниматься всеми вопросами, с ней связанными, будете вы, леди Мэнсфилд.

– Именно так, дорогой господин Норфильд, – я чуть ви-

новато улыбнулась, мол, и сама не предполагала, но так уж получилось, – и его величество сказал, что вы выделите мне комнату, в которой я смогу обустроить рабочий кабинет.

– Да, он только что распорядился, – поспешил подтвердить королевскую волю господин Норфильд, – только вот со свободными помещениями у нас не очень хорошо. Занято почти всё, леди, такая вот незадача.

– Что, вообще ничего нет? – удивилась я, пытаюсь сообщить, кто позанимал все остальные комнаты, учитывая то, что основная часть служащих размещалась в главном, так называемом «городском» дворце.

– Есть, – как-то неуверенно пробормотал старый управляющий, – но только, боюсь, не подойдёт вам, леди Мэнсфилд.

– Почему? У меня более чем скромные требования, – я пожалала плечами, – я ведь собираюсь там именно работать. Место, чтобы поставить стол, кресло, пару небольших диванчиков, книжный шкаф и журнальный столик – вот, пожалуй, и всё, что мне нужно.

Старик задумался, но вдруг оживился, явно на что-то решившись.

– Так вот, есть у меня одно место, – сказал он, – только не уверен, что вы согласитесь. Хотя всем вашим пожеланиям соответствует, там даже свои удобства имеются.

– И что же это за загадочное место и в чём подвох? – я решила не соглашаться, не посмотрев как следует, что не так с предлагаемой комнатой.

– Да «ведьмина башня», – господин Норфильд с опаской покосился на меня, видимо, ожидая с моей стороны вспышки гнева или ужаса. – Знаете ведь, наверное, сколько слухов про неё ходит?

– Знаю, конечно, – невольно поёжилась я, сразу припомнив десятки страшилок, которые ещё в детстве мы с другими девочками рассказывали друг другу, пока взрослые занимались своими скучными делами: играли в карты, сплетничали и обсуждали всякие ужасно неинтересные вещи типа политики или финансов. – А что, там есть свободные помещения?

– Целая башня, – с энтузиазмом откликнулся старик, – три этажа и смотровая площадка.

– А давайте посмотрим, – неожиданно для самой себя решила я, – вдруг мне понравится? К тому же слухи – это теперь мой основной источник информации, так что мне ли их бояться. Да и мешать никто не будет.

– Ох, и отчаянная вы девушка, леди, – покачал головой господин Норфильд не то с осуждением, не то с восхищением, – пойдёмте, раз такое дело, тут недалеко, если через двор.

И мы пошли: он, радостно семеня и выбирая из связки нужный ключ, я – проклиная своё любопытство и авантюрную натуру. Прав был Александр, не могу я пройти мимо того, от чего так завораживающе пахнет старыми тайнами и загадочными событиями.

«Ведьмина башня» получила своё название из-за того, что, по слухам, в ней когда-то жила придворная колдунья.

Это было в те времена, когда в королевстве ещё встречались маги, колдуны и ведьмы. Я об этом только читала, так как последний маг отметился в истории королевства лет сорок назад. Или даже больше — я специально не интересовалась. Так вот... Потом эта колдунья не то поссорилась с тогдашним королём, не то ещё что-то с кем-то не поделила, после чего покинула дворец и удалилась в неизвестном направлении. А в башне с того времени стали происходить всякие странности: окна сами собой открывались и скрипели, мебель самостоятельно меняла дислокацию, а по ночам что-то жизнерадостно шуршало и постукивало.

Мы с господином Норфильдом бодро пересекли небольшой, украшенный ухоженными клумбами внутренний двор летнего дворца и остановились перед невысокой, но очень мощной башней. Стены, сложенные из старых красных кирпичей, выглядели более чем внушительно, хотя кое-где между рядами уже проросла травка. Дверь вполне соответствовала стенам: сделанная из какого-то очень прочного дерева, обшитая толстыми металлическими полосами, она прямо-таки кричала о собственной древности и неуязвимости.

Перед дверью было небольшое аккуратное каменное крылечко в три ступени и площадка непосредственно перед входом. По обеим сторонам стояли каменные чаши, в которых радостно пестрели какие-то неизвестные мне цветы с приятным ненавязчивым ароматом. Да и вообще было видно, что за двором тщательно ухаживают и даже про башню не забы-

вают: ни на ступеньках, ни на крыльце не было ни мусора, ни пыли.

– Вот и она, леди Моника, – с непонятным энтузиазмом сказал господин Норфильд, вставляя в замок большой металлический ключ. – Сейчас посмотрите и скажете, годится ли вам эта башня в качестве помещения для работы. Если нет, то придётся выселять кого-нибудь из служащих.

Намёк был настолько прозрачен, что не понять его было просто невозможно. Я просто молча кивнула, и мы вошли в прохладное нутро башни.

Надо сказать, что раньше я в этой башне никогда не бывала, хотя в летний дворец с родителями и с бабушкой навещала неоднократно. «Ведьмину башню», конечно, видела, но исключительно издали, и знала о ней ровно столько, сколько все остальные девочки. И вот теперь у меня появилась возможность изучить таинственное здание изнутри.

К моему удивлению и даже лёгкому разочарованию, внутри башня оказалась совершенно обыкновенной. На первом этаже почти всё пространство занимал большой холл, свет в который проникал из нескольких маленьких окошек, больше напоминавших бойницы или амбразуры.

– Где-то тут лампы были, – пробормотал господин Норфильд, и действительно, под потолком обнаружились несколько светильников. – А, вот и он...

Щёлкнул выключатель, и холл озарился не слишком ярким светом: видимо, в лампах заканчивался порошок. В ко-

ролевстве давно использовались светильники, работающие на специальном порошке, который, при попадании на него определённого вещества начинал светиться. Когда человек нажимал на выключатель, в лампы из специального отверстия капало, и порошок начинал излучать мягкий, похожий на дневной, свет. Это было очень простое и удобное в использовании устройство: нужно только было не забывать время от времени досыпать порошок и доливать жидкость.

Я осмотрелась и пришла к выводу, что всё не так плохо, как мне казалось: даже уборка требовалась самая обычная, без ремонта или глобальных переделок. Надеюсь, остальные этажи содержатся в таком же порядке.

– Посмотрите, леди Моника, – обратился ко мне господин Норфильд, взявший на себя роль экскурсовода, – это главный зал, в нём есть камин, необходимая мебель и даже, – тут он просеменил в угол и открыл небольшую дверцу, – небольшая ванная комнатка.

Действительно, за дверцей обнаружились все необходимые удобства, что сразу же добавило башне несколько очков. Я подошла к раковине и с некоторой опаской покрутила краны. Хлынувшая из них вода сначала была слегка желтоватой, но потом очистилась, и я с восторгом поняла, что тут есть и холодная, и горячая вода. Прекрасно! Остаюсь!

– Давайте посмотрим остальные этажи, – вернул меня на землю господин Норфильд, – а то время позднее, а встаю я очень рано, так что уж простите, что тороплю.

– Конечно, – мгновенно устыдилась я, сообразив, что это я – пока, во всяком случае, – девушка относительно свободная, а у него на плечах огромное хозяйство, где за всем пригляд нужен.

– Итак, второй этаж, – господин Норфильд с несвойственной его возрасту скоростью поднялся по лестнице и жестом пригласил меня пройти за ним. – Галерея идёт по всему этажу, так что можно спокойно наблюдать, что происходит внизу. Здесь, – он открыл слегка скрипнувшую дверь, – комната, в которой вполне можно сделать кабинет, а здесь, – он вышел и открыл следующее помещение, – когда-то была небольшая библиотека, можно использовать как угодно. На третий этаж пойдёте?

– А что там? – спросила я, понимая, что господину Норфильду очень хочется поскорее завершить импровизированную экскурсию.

– Там пустая комната, в которой можно обустроить спальню или гостевые покои, – ответил управляющий, – и большая смотровая площадка. Но на неё я не советовал бы вам выходить.

– Почему?

– Она не застеклена, да и вид с неё не очень интересный, – поспешно ответил господин Норфильд. – По требованиям безопасности я должен вас предупредить.

– Спасибо, – совершенно искренне поблагодарила я, – вы очень мне помогли, господин Норфильд!

– Ну так что, леди Моника? Подходит вам эта башня?

– Подходит, – сказала я с удивившей меня самой уверенностью, – пусть здесь всё уберут, вымоют и в комнату на втором этаже принесут необходимую мне мебель. Я пока поработаю дома, там, где остановилась. Два дня вам хватит?

– Вполне, – не скрывая облегчения, ответил управляющий и заверил меня, – всё будет сделано в лучшем виде, леди Моника!

Мы вышли на крыльцо, и господин Норфильд, показав мне тайник, в котором лежит запасной ключ, спешно отправился к себе, а я решила обойти своё новое рабочее место. Увидела узкие окна будущего кабинета, библиотеки. Запрокинув голову, посмотрела на открытую всем ветрам площадку и чуть не села прямо на плиты дворца: с площадки, слегка перевесившись наружу, на меня кто-то смотрел.

Увидев, что я его заметила, этот кто-то моментально отпрянул и спрятался за не очень высоким парапетом смотровой площадки. Я же продолжала растерянно таращиться вверх в надежде, что таинственный обитатель башни, никак не проявивший себя во время нашего с господином Норфильдом визита, выглянет ещё раз. Но на площадке царила абсолютная тишина, и, как я ни прислушивалась, не смогла уловить ни малейшего шороха или иного признака того, что там, наверху, вообще кто-то есть. Но мысль о том, что мне показалось, я решительно отмела как несостоятельную: я совершенно точно видела человеческий силуэт. Но вот рас-

смотреть, кто это: мужчина или женщина – не смогла, просто не успела.

Бежать за господином Норфильдом и просить его снова открыть мне башню не было ни малейшего смысла, а пользоваться вторым ключом было как-то неловко: вроде как я ещё не вступила в права до конца. Тем более, что-то мне подсказывало, что мы никого внутри не обнаружим, сколько бы ни искали. Я же при этом буду выглядеть не лучшим образом, а зачем мне с самого начала портить репутацию? Правильно – незачем. Поэтому спокойно – ну, насколько это возможно – иду к дядюшке Томасу, составляю смету, список разделов будущей газеты и перечень того, что мне может понадобиться для работы.

Приняв это рациональное решение, я, чрезвычайно гордая своим деловым подходом, направилась к выходу из внутреннего двора. Но, естественно, не удержалась и, уже взявшись за дверную ручку, всё же обернулась. На смотровой площадке... никого не было.

Эх, а я так рассчитывала, что загадочный житель закрытой башни снова выйдет, и я смогу попытаться его разглядеть. Но он, видимо, пришёл к таким же выводам и решил, что знакомство стоит отложить. Ну и ладно, не очень-то и хотелось. Хотя здесь вру, конечно: хотелось очень сильно. Прав его величество: любопытство – это именно та сила, которая может сподвигнуть меня на почти любые поступки.

Пройдя через несколько залов и коридоров, в которых в

связи с вечерним временем и будним днём было немного народа, я вышла на уже знакомое боковое крыльцо. Там бдрили два высоких и крепких стражника, подозрительно уставившихся на мою скромную персону.

— Здравствуйте, — вежливо поздоровалась я, — я леди Моника Мэнсфилд, и я теперь тут работаю. Его величество объявит о моём назначении в ближайшее время. А пока у меня есть вот это, — и я протянула стражам порядка разовый пропуск.

Разобравшись с охраной, я вышла через «калитку для частных визитов» и через десять минут уже входила в трактир, где, в отличие от дворца, было шумно и людно. Видимо, еда дядюшки Томаса, качество которой я тоже уже успела оценить, пользовалась заслуженной популярностью.

Увидев меня, трактирщик приветливо кивнул и вопросительно поднял брови, мол, ну, как дела? Я так же молча кивнула и огляделась: свободных столиков не было, а подсаживаться к кому-нибудь не хотелось. Поэтому я решила перекусить у себя в комнате.

Сказав хозяину, что буду ужинать у себя и попросив принести какой-нибудь не слишком тяжёлой еды, я поднялась к себе, чуть не столкнувшись в коридоре с молодым мужчиной, который явно вышел из какой-то комнаты. Он быстро извинился и поспешил спуститься в зал, а я вошла к себе, не заметив, что постоялец обернулся и проводил меня пристальным взглядом.

В комнате я быстро умылась, переплела волосы в обычную косу вместо причёски и переделалась в удобные домашние брючки и рубашку. Отыскав в столе бумагу и, достав из саквояжа самопишущее перо – подарок директрисы пансиона в честь выпуска, – написала красивым почерком: «Разделы газеты».

После этого подперла рукой щеку и глубоко задумалась: что может интересного быть в дворцовой газете? Ясно ведь, что его величеству не нужен дубликат официального королевского издания, в котором публикуются постановления, королевские приказы, информация о предстоящих официальных мероприятиях и так далее. Газета, которую мы будем издавать, должна быть живой и интересной. Всю серьёзную информацию заинтересованные лица прочтут и в «Королевском вестнике».

Я взяла второй листок, положила рядом и написала: «Вопросы», чтобы не забыть, о чём нужно будет спросить короля при следующей встрече. И тут же записала «Вопрос № 1: бесплатно или за деньги?» и тут же сама сделала приписку: «Первый номер бесплатно, дальше – подписка за деньги», подумала и приписала: «За большие деньги!»

В комнату вежливо постучали, и дочка дядюшки Томаса, которую, как я выяснила, звали Полли, принесла поднос с салатом, запечённой рыбой и чаем. Я поблагодарила девушку и снова уткнулась в бумаги: надо было хотя бы приблизительно понимать, сколько рубрик будет, от этого зависит и

объём газеты, и количество сотрудников, которые мне понадобятся. А ведь ещё название... ох, это самое трудное и чуть ли не самое важное.

Поразмыслив и испортив несколько листков, я пришла к выводу, что надо писать всё, что приходит в голову, а потом уже сортировать. В итоге через час у меня получился вот такой безумный перечень: сплетни дворцовые, слухи общегосударственные, происшествия, скандалы, модные новинки, спектакли вообще и премьеры в частности, из жизни дворцовых обитателей (интервью), секреты красоты, истории путешественников, ресторанный обзор и ресторанный критик, объявления разные. Уф!

Подумав и незаметно для самой себя съев всю принесённую еду, я добавила в список предсказания дворцового астролога, анонсы вечеринок и раутов, а также резервный раздел на случай, если меня вдруг осенит какая-нибудь идея.

Довольно перечитала получившийся список, добавила пару вопросов на второй лист и, чрезвычайно довольная собой, откинулась на спинку стула. Посмотрела на часы и с ужасом поняла, что уже давно глубокая ночь, и все нормальные девушки видят третий сон.

Когда я осторожно приоткрыла дверь и выглянула в коридор, в трактире уже царила полная тишина: даже на кухне никто не возился. Я, стараясь ступать осторожно, прошла в самый конец коридора, где располагалась умывальная комната и прочие удобства. Так как на ногах у меня были толь-

ко толстые носки – домашние тапочки я ещё не успела приобрести – то ступала я практически бесшумно. С удивлением увидев, что из-под одной из дверей пробивается слабый свет, я, сама не понимая, почему, подошла и прислушалась.

– Я буду рядом, – раздался из-за двери мужской голос, и я чуть не подпрыгнула от неожиданности, – всё под контролем, его светлость может не волноваться.

– Девчонка не так проста, как хочет казаться, – произнёс второй невидимый собеседник, – не спускай с неё глаз, следи за всеми, с кем она будет встречаться.

– Да мне кажется, ты зря так беспокоишься, – ответил первый и насмешливо хмыкнул, – самая обычная девица, захотевшая поиграть в самостоятельность.

Тут я насторожилась и застыла, как суслик, уловивший пока ещё далёкий запах хищника: не про меня ли говорят эти двое?

– Ну конечно, – с иронией парировал второй, – и старый пёс Стайн совершенно случайно сразу пришёл к ней. Делать ему больше нечего, по-твоему? Говорю тебе – она по уши в этом деле!

– Тебе виднее, – сдался первый мужчина, – буду следить и докладывать, как положено.

Я еле успела шмыгнуть в умывальню, когда дверь номера, расположенного неподалёку от моего, бесшумно открылась. В узенькую щёлочку я пыталась рассмотреть вышедшего из комнаты мужчину, но он был так плотно закутан в тёмный

плащ, что я ничего толком не увидела. Дверь в номер закрылась, и я смогла только услышать, как прозвучали осторожные шаги, а потом едва слышно скрипнула лестница. Затем снова всё стихло, а я осталась стоять в тёмной умывальне в абсолютно растрёпанных чувствах.

Это что же такое получается? Не успела я поселиться в трактире, который выбрала совершенно случайно, как тут же рядом селится некто, кто должен следить за мной и кому-то докладывать? И этот загадочный кто-то уверен, что я «по уши» в каком-то непонятном деле. Бред какой-то, честное слово! Ну ладно – господин Стайн. Вполне могу предположить, что проследить за мной его попросила бабушка, которой не составило труда узнать дату моего отъезда из пансиона. Но кто ещё мог заинтересоваться моей действительно очень скромной персоной? Очень странно! Может, зря я так стремилась поскорее зажить самостоятельно: как-то много сразу вопросов непредвиденных возникло.

Увидев, что полоска света погасла, а значит, обитатель комнаты наконец-то лёг спать, я аккуратно прикрыла дверь, сполоснула лицо, потом быстро заскочила в комнатку по соседству, подумав, что если его величество назначит мне приличное жалование, надо будет переселяться в номер с удобствами. Не дело это – вот так по коридору ночью бегать. Хотя, с другой стороны, откуда бы я тогда узнала столько полезной информации? Так что поживу пока здесь: всегда можно сказать, что не подслушивала и не подсматривала, а про-

сто шла умыться. И не важно, что ночью. Где написано, что умываться следует исключительно утром и днём? Нигде!

Остаток ночи я спала достаточно плохо, так как всё время прислушивалась, не крадётся ли кто-нибудь к моей двери. И хотя в подслушанном ночью разговоре речь шла только о наблюдении, всё равно на сердце было беспокойно. Поэтому утром я встала невыспавшаяся, мрачная и категорически недовольная жизнью.

Проходя к умывальне, я хотела уже было остановиться возле двери, за которой ночью происходил столь неоднозначный разговор, но не успела: она распахнулась, чуть не сбив меня с ног.

– Осторожнее! – вскрикнула я, резво отпрыгивая в сторону. – Нельзя же так, тут люди ходят!

– Простите великодушно! – воскликнул тот самый молодой мужчина, который вчера встретился мне на лестнице. – Я не слышал шагов и думал, что в коридоре никого нет! Ещё раз простите! Надеюсь, я не задел вас?

– Я успела отпрыгнуть, – ворчливо отозвалась я, а он тем временем задумчиво посмотрел на мои ноги в носках. «Сегодня же куплю тапки, – сердито подумала я, – а в носках буду ходить по ночам».

– Вы так тихо шли, – вроде как даже с упрёком сказал сосед, – обычно люди носят обувь, вы не знали?

– Догадывалась, – по возможности невозмутимо откликнулась я, – но я ещё не успела обзавестись всем необходи-

мым. Видите ли, я только вчера заселилась.

– Я тоже! – с непонятным энтузиазмом откликнулся мужчина. – А давайте познакомимся?

– Зачем? – всё так же спокойно поинтересовалась я.

– Ну как же, – настаивал сосед, – всё-таки мы живём рядом, встречаться будем неизбежно, так не лучше ли знать хотя бы имена? Я, например, Ричард, а вы?

– А я Моника, – не стала скрывать я, прекрасно понимая, что раз он следит за мной, то уж имя-то наверняка выяснил.

– Очень приятно! – сосед с явно вымышленным именем Ричард радостно улыбнулся, продемонстрировав безупречные белоснежные зубы, а я подумала, что можно включить в перечень рубрик что-нибудь медицинское, например, «как сделать улыбку ослепительной»... ну или что-нибудь такое.

– А вам что – не приятно? – обиженно уточнил сосед, и я сообразила, что пауза неприлично затянулась.

– Пока ещё не решила, – ответила я и, оставив его осмысливать свои последние слова, бодро прошествовала к умывальне, чувствуя спиной его внимательный взгляд.

Когда минут через десять я вышла из умывальни, в коридоре, к счастью, уже никого не было. Видимо, Ричард отправился докладывать начальству о том, что, следуя инструкциям, познакомился со мной и даже выяснил и без того известное имя.

Я переоделась, так как собиралась пройтись по магазинам и купить необходимый минимум вещей, заплела и заколола

«улиткой» косу и спустилась с твёрдым намерением плотно позавтракать.

Внизу было уже достаточно свободно, так как все, кто состоит на той или иной службе, уже разошлись по своим рабочим местам, а бездельники, которые могут и до обеда проваляться в постели, как правило, обитают дома, а не в съёмных номерах.

За одним из столов обнаружился сосед, который с явным удовольствием лопал что-то с большой сковородки, стоящей перед ним на специальной подставочке. Судя по одуряющему аромату, там было мясо с овощами. Не самая правильная еда для завтрака, но это его личное дело: вот только забот о всяких шпионах мне и не хватало с утра пораньше.

Я поздоровалась с дядюшкой Томасом и попросила каши, чаю и каких-нибудь булочек или пирожков. Пообещав мигом всё организовать, трактирщик ушёл на кухню, а я заняла угловой столик, старательно делая вид, что не заметила приглашающего жеста соседа. Тот надулся и демонстративно развернул свежий номер «Королевского вестника».

Я посмотрела на главную королевскую газету и снова вернулась мыслями к рубрикам, которые придумала вчера. Нужно ведь ещё так организовать, чтобы успевать собирать материал, а для этого нужны сотрудники: не буду же я сама бегать в поисках информации. Вот, например, в том, что касается сплетен и слухов, нужно проконсультироваться с бабушкой и узнать, кого она могла бы порекомендовать. К то-

му же надо посоветоваться с ней, у кого первого взять интервью, чтобы заинтересовать читателя. Не каждый ведь захочет, и не любой обитатель дворца будет интересен. О, знаю! Бабушка втянула меня в эту авантюру, вот пусть и уговорит своего замечательного господина Стайна стать первой жертвой, в смысле – первым объектом интервью. А возьму его я сама, мне интересно. Возможно, и впоследствии оставлю эту рубрику за собой. Происшествия... Тут нужен как раз господин Стайн: кто ещё может подсказать мне, к кому обращаться за столь специфической информацией. Начальник дворцовой охраны пошлёт меня подальше и будет абсолютно в своём праве. А вот по рекомендации... Ох, как же всё это сложно и хлопотно!

– Ваш завтрак, Моника, – голос трактирщика вырвал меня из задумчивости, – пирожки с яблоками и сыром. Любите?

– Мне кажется, у вас с чем угодно пирожки замечательные, – совершенно искренне сказала я, откусывая сразу треть тёплого шедевра с чуть солоноватым сыром. – А вы можете мне с собой завернуть несколько? Вдруг я пообедать не успею?

– Конечно, – кивнул довольный комплиментом трактирщик и снова удалился в сторону кухни.

– Не боитесь фигуру испортить? – раздался прямо над ухом вкрадчивый голос, и я чуть не подавилась пирожком. – Столько выпечки вредно, я точно знаю.

Я повернулась и увидела соседа, который, покончив с зав-

траком, явно собирался идти по делам, но решил озаботиться моим питанием. Как мило с его стороны, прелесть просто!

— Не боюсь, — мило улыбнулась я, — хотя и совершенно не понимаю, почему вас это так беспокоит, Ричард.

— А вы сейчас куда, Моника? — предпочёл не слышать мой комментарий приставучий сосед. — Может, вас подвезти? За мной придёт служебный экипаж.

— Не волнуйтесь, я оценила как ваше предложение, так и информацию о том, что за вами присылают экипаж, а значит, вы важная птица, но — нет, — я принялась с аппетитом поглощать вкусную молочную кашу, а Ричарду не оставалось ничего другого, кроме как покинуть меня. Любая попытка задержаться выглядела бы уже подозрительно, а моему наблюдателю — или кто он там — это было ни к чему.

Я же после завтрака, поблагодарив дядюшку Томаса, отправилась напрямик к бабушке, которая вчера сказала, что я обязательно должна зайти и рассказать ей о результатах встречи с его величеством. Я, правда, предполагала, что у неё есть и иные источники информации, но пренебрегать бабушкиной просьбой сочла невежливым.

На этот раз я вошла через главные ворота, приветливо поздоровавшись с привратником и охраной, и в сопровождении выпорхнувшего на крыльцо Хилларда прошла в гостиную. Сумочку я взяла с собой, а вот пакет с пирожками оставила в холле. Ещё не войдя в комнату, я слышала голоса и поняла, что бабушка не одна. Вопросительно взглянула

на дворецкого, но тот никак не отреагировал и, распахнув дверь, торжественно объявил:

– Меди Моника Мэнсфилд к леди Синтии.

Я вошла в светлую, очень стильную и невероятно красивую гостиную и застыла у дверей, отчаянно жалея, что не могу развернуться и выйти.

– Моника, какая неожиданная радость, – навстречу мне из кресла поднялся невысокий изящный мужчина, в котором, несмотря на его хрупкость, чувствовалась недюжинная сила. Есть такой тип мужчин: не меч, но смертельно опасный узкий кинжал.

– Здравствуй, папа, – вздохнув, произнесла я и с упрёком взглянула на виновато пожавшую плечами бабушку, – я тоже очень рада тебя видеть.

– Но почему я узнаю о твоём приезде вот так, внезапно? – лорд Мэнсфилд изобразил на лице удивление пополам с обидой, но его глаза при этом холодно и цепко ощупывали меня с ног до головы, словно проверяя, не обнаружатся ли на мне какие-нибудь внезапно возникшие дефекты.

– Я не была уверена, что после нашего последнего разговора по-прежнему могу считать, что мне рады в родительском доме, – сдержанно ответила я, поборов ввевшуюся годами привычку постоянно оправдываться, от которой я с таким трудом избавилась за годы, проведённые в пансионе.

– Ну что ты такое говоришь! – папа изобразил улыбку, которая, как и всегда, не очень хорошо сочеталась с равнодуши-

ным взглядом тёмных глаз. — Двери нашего с мамой дома, разумеется, для тебя открыты.

Меня всегда восхищало умение отца не сказав ничего, дать понять очень многое: например, сейчас мне недвусмысленно намекнули на то, что это их с матерью дом, а не наш общий, то есть меня по-прежнему не воспринимают как полноценного члена семьи. В общем-то, нельзя сказать, что это сильно меня удивило: к чему-то такому я была готова.

— Жаль, что ты, видимо, так и не избавилась от этого нелепого стремления к самостоятельности. Я разочарован, Моника! — папа недовольно покачал головой и отвернулся.

— Тогда к чему весь этот спектакль? — я держалась, потому что понимала: этот разговор неизбежен, его нужно просто перетерпеть, вот и всё. — Ты разочарован, я не изменила своих принципов и своего решения, так к чему всё это?

— Между прочим, лорд Джастин по-прежнему чрезвычайно расположен к тебе, хотя ты и не заслуживаешь доброго отношения, — поджав губы, произнёс отец, когда молчание к гостинной стало почти неприличным. — И я готов... закрыть глаза на некоторые твои странности, если ты признаешь свою ошибку, станешь младшей фрейлиной и примешь его предложение.

— Ты полагаешь, что за четыре года мои вкусы настолько изменились, что мне внезапно стали нравиться мужчины с сомнительной репутацией?

— Нет, я полагал, что за четыре года ты поумнела и поняла,

что я лучше знаю, что для тебя правильно и хорошо! – лицо отца окончательно превратилось в маску, лишь презрительно кривящиеся губы показывали, что он вне себя.

– Когда мы виделись в последний раз, – тоже сдерживаясь из последних сил, процедила я, – ты сказал, что я позорю семью и что никогда ничего не добьюсь.

– Полагаю, всё так и есть, – ответил отец, не глядя на меня, – иначе ты не ютилась бы в каморке на каком-то богами забытом постоялом дворе!

– Просто мой кабинет во дворце ещё не обставлен, – я таки сбилась на оправдания и тут же жутко на себя за это рассердилась.

– Раньше ты хотя бы не опускалась до откровенной лжи, – отец с отвращением посмотрел на меня и, коротко поклонившись бабушке, вышел из гостиной.

Я стояла и смотрела в пол, стараясь удержать слёзы обиды, и не показать, что отцовское презрение и нелюбовь ранят меня гораздо сильнее, чем мне хотелось бы.

Внезапно на моё плечо легла тонкая рука, униженная кольцами, и негромкий голос окутал мягкостью и теплом:

– Ничего, Моника, он всё равно любит тебя, хотя и очень... по-своему, и, поверь, Фредерик действительно уверен, что лучше всех знает, что нужно тебе для благополучной жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.